

КЛЕЙМО ЗАТМЕНИЯ · КНИГА ТРЕТЬЯ

ВОЙНА КЛЕЙМА

Орден объявил войну одной девушке.
Девушка нашла себе армию.

АГАТА СТУЖИНА

16+

Агата Стужина

Война Клейма

«Автор»
2026

Стужина А.

Война Клейма / А. Стужина — «Автор», 2026

Верховный Пастырь Ордена Пламени принимает решение: если один Инквизитор не справился, значит, пришло время войны. Верховный Инквизитор Родерик приводит в северные земли настоящую военную кампанию — и Ясне впервые становится ясно, что спрятаться от такой силы попросту негде. Единственный шанс выстоять — сделать то, чего Дом теней не делал никогда прежде: объединиться. С непримиримым Ярошем. С суровым, никому не доверяющим «Пепельным обозом» Зарины. С разжалованным врагом, которому больше некуда идти. Вместе они освобождают ищейку Ордена, оказавшуюся давно пропавшей дочерью одного из своих, — и вместе узнают страшную правду: изначальная кровь Ясны нужна Ордену не для того, чтобы её пленить. Она нужна, чтобы её убить — ритуалом, способным подарить горстке людей бессмертие ценой одной-единственной жизни.

© Стужина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Война Клейма 5
Глава 1. Затишье кончается 6
Глава 2. Родерик 7
Глава 3. Отставка Альрика 8
Глава 4. Судьба Кассия 9
Глава 5. Первый пробный удар 10
Глава 6. Совет 11
Глава 7. Ярош возвращается 12
Глава 8. План поиска союзников 13
Глава 9. Прощание перед дорогой 14
Глава 10. В путь 15
Глава 11. Первая ячейка 16
Глава 12. Нападение в пути 17
Глава 13. Слухи о Кассии 18
Глава 14. Пепельный обоз 19
Глава 15. Зарина 20
Глава 16. Кассий возвращается 21
Глава 17. Доверие под вопросом 22
Глава 18. След Ивы 23
Глава 19. План освобождения 24
Глава 20. Штурм конвоя 25
Глава 21. Свобода Ивы 26
Глава 22. Первые слова 27
Глава 23. Тайна документов 28
Глава 24. Дубец расшифровывает 29
Глава 25. Полная правда 30
Глава 26. Сорен рядом 31
Глава 27. Зарина принимает решение 32
Глава 28. Сеть растёт 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Агата Стужина
Война Клейма

Война Клейма

Агата Стужина

Часть первая. Огни войны

Глава 1. Затишье кончается

Полтора месяца, прошедшие после отражённого нападения Альрика, стали для северной усадьбы самым спокойным временем за весь минувший год, — настолько спокойным, что Ясна временами позволяла себе на короткие часы забыть, зачем вообще Дом теней вынужден был бежать так далеко на север.

Спокойствие кончилось в одно обычное утро, когда Хвоя вернулась из очередной вылазки за припасами в дальнее торговое село куда быстрее и куда мрачнее обычного.

— Дороги забиты обозами, — сказала она, ещё не отдышавшись, войдя в главный зал усадьбы. — Не купеческими. Военными. Провиант, фураж, кованые ящики под замками — такие возят не для форпостной службы, а для настоящего похода.

Верба, услышав это, отложила работу, которой занималась у окна, с выражением лица человека, давно ожидавшего дурных вестей и всё же не готового к ним до конца.

— Куда движутся обозы? — спросила она.

— На север, — коротко ответила Хвоя. — В нашу сторону, если по прямой. Может, дальше, за перевал. Но я говорила с одним из возчиков, приняв его за обычного торговца, — он обмолвился, что слышал от знакомого интенданта: готовят не разовую карательную экспедицию, а нечто вроде постоянного военного присутствия в этих краях.

Ясна почувствовала, как привычное за последние недели спокойствие разом покидает тело, уступая место тому знакомому, тянущему холоду под рёбрами, который она давно научилась не путать с самим Клеймом, — обычному, человеческому страху.

— Регулярное военное присутствие означает не облаву, — медленно произнесла Верба. — Облаву снимают, стоит ей не принести быстрого результата. Постоянное присутствие означает, что кто-то наверху решил: результат стоит любых затрат времени и сил, сколько бы их ни потребовалось.

— Думаешь, Орден готовит нечто большее, чем прежде? — спросил Дрок, подошедший на звук разговора.

— Я думаю, — сказала Верба, — что после ночи, когда осколок в руках Альрика подтвердил происхождение Ясны, у внутреннего круга Ордена не осталось причин действовать через одного Инквизитора и его отряд. Если они решили, что дело того стоит, у них достаточно сил, чтобы бросить на поиски нечто куда более серьёзное, чем всё, с чем мы сталкивались прежде.

В тот же день дозорные, разосланные проверить окрестности усадьбы шире обычного, вернулись с похожими вестями: на дорогах, ведущих с юга, за последние недели заметно прибавилось военных обозов и организованных отрядов, слишком дисциплинированных для обычных форпостных патрулей. Что-то менялось в самом Ордене Пламени — менялось методично, неторопливо, но необратимо, — и Ясна, глядя на встревоженные лица собравшейся вечером общины, понимала: тихая, растянутая на годы война, о существовании которой ей рассказывал в дороге старый проводник Дягиль, готовилась перестать быть тихой.

Глава 2. Родерик

Спустя неделю после первых тревожных вестей с дорог разведчики Дома теней принесли новость, объяснившую разом весь размах происходящего: на ближайший форпост, тот самый, где когда-то Кассий уступил командование Альрику, прибыл человек, чей ранг, судя по описанию сопровождавшей его свиты и знакам отличия, превосходил ранг любого Инквизитора, с каким Дому теней доводилось сталкиваться прежде.

— Верховный Инквизитор, — доложила Хвоя, вернувшись из разведки переодетой странствующей торговкой, как делала это уже не раз. — Зовут Родерик. Прибыл не один — с ним целый штаб, десятки писцов и порученцев, не считая солдат сопровождения. Такого размаха я не видела прежде ни у одного представителя Ордена.

На самом форпосте, как выяснилось чуть позже через один из немногих уцелевших после книги 2 источников сведений — торговца, поставлявшего провиант гарнизону и не питавшего к Ордену особой любви, — прибытие Родерика обернулось для Альрика унижением куда более прилюдным, чем то, что сам он когда-то устроил Кассию.

— Родерик созвал общий сбор гарнизона на площади форпоста, — пересказывал торговец Хвое, а та — уже в убежище, всей общине. — Прямо там, при всех, объявил, что операция Альрика провалилась дважды подряд — не поймала Меченую, зато позволила ей публично подтвердить собственное происхождение и уйти живой. Забрал командование полностью, не оставив Альрику даже формального титула, какой в своё время оставил Кассию сам Альрик.

— Значит, теперь во главе всего этого — Родерик, а не Альрик, — медленно произнесла Ясна, чувствуя, как в груди шевелится странная, не до конца понятная ей самой смесь тревоги и почти сочувствия к человеку, доставившему ей столько горя.

— Родерик — фигура совершенно другого рода, чем Альрик или Кассий, — заметила Верба, выслушав пересказ. — Альрик был методичным охотником, Кассий — упрямым служакой, верившим в букву своего долга. Судя по тому, что рассказывает торговец, Родерик — политик и полководец одновременно, человек, привыкший мыслить не отдельными облавами, а целыми кампаниями. Это меняет всё, что мы знали прежде о характере нашего противника.

Той же ночью, когда основная часть общины разошлась по своим делам, Ясна долго сидела с Сореном у общего очага, обдумывая услышанное.

— Ты когда-нибудь встречал Родерика прежде, во времена своей службы? — тихо спросила она.

— Слышал имя, — так же тихо ответил Сорен. — В узких кругах Пепельной стражи о нём говорили с той особой, опасливой почтительностью, с какой говорят о людях, чья благосклонность ценнее любой награды, а немилость страшнее любого наказания. Он не поднимался по службе через личную доблесть в бою, как большинство Инквизиторов. Он поднимался через умение убеждать внутренний круг, что именно его решения — самые верные.

— Это делает его опаснее или менее опасным? — спросила Ясна.

— Опаснее, — не колеблясь, ответил Сорен. — Человека, ищущего личной славы в бою, можно переиграть на поле боя. Человека, для которого победа — лишь ступень к следующей интриге при дворе Ордена, переиграть куда труднее: он не будет рисковать собой ради красивого жеста, зато не остановится ни перед чем ради результата, который сможет предъявить наверх.

Глава 3. Отставка Альрика

О том, что происходило внутри самого Альрика после унизительного смещения, Дом теней узнал не сразу и не напрямую — источником неожиданно оказался тот же торговец-поставщик, разговорившийся с Хвоей чуть более откровенно, чем прежде, за щедрую плату и обещание молчать о самом факте разговора.

— Инквизитора Альрика не отправили назад в столицу с позором, как многие ожидали, — пересказывала Хвоя услышанное. — Родерик оставил его при штабе — формально советником по прежней операции, на деле, судя по всему, чтобы держать под рукой и под присмотром, не давая исчезнуть из виду с обидой, способной обернуться против самого Родерика.

— Пленник на собственной службе, — заметил Дрок с невесёлой усмешкой. — Знакомая судьба.

Что происходило в самом Альрике в эти недели, читателю, как и общине Дома теней, оставалось лишь догадываться по обрывочным слухам, — но Ясна, вспоминая холодную уверенность, с какой он когда-то говорил с ней у старой каменоломни, не могла отделаться от мысли, что унижение, которому подверг его Родерик, задело в нём нечто более глубокое, чем простую профессиональную гордость.

— Он был убеждён, что нашёл нечто по-настоящему важное для Ордена, — сказала она вслух, когда торговец закончил пересказ, а Хвоя вернулась к остальным делам. — Убеждён настолько, что готов был рисковать жизнью ради подтверждения. А в награду за то, что оказался прав, его просто отодвинули в сторону, будто важна была не его правота, а только конечный результат в чужих руках.

— Ты сочувствуешь ему? — с некоторым удивлением спросил Сорен.

— Не сочувствую, — покачала головой Ясна, тщательно подбирая слова. — Он всё ещё враг, и то, что он делал со мной и с моими близкими, не становится меньше от того, что его самого предали свои же. Но я начинаю понимать, что Орден ломает не только тех, кого ловит. Он ломает и тех, кто ему служит, — просто иначе, медленнее, тише.

Верба, слышавшая этот разговор, задумчиво покачала головой.

— Ты видишь дальше, чем видела год назад, дитя, — сказала она. — Но будь осторожна с этим пониманием. Способность видеть человечность даже во враге — редкий и ценный дар. Способность забыть, что он всё ещё враг, пока не докажет обратное делом, а не одной лишь уязвлённой гордостью, — опасная слабость. Держи оба этих знания в себе разом, не позволяя одному вытеснить другое раньше времени.

Глава 4. Судьба Кассия

Вести о Кассии, куда более скудные и куда более противоречивые, чем вести об Альрике, доходили до Дома теней урывками на протяжении нескольких недель — сначала слух, что его разжаловали окончательно, лишив даже формального титула Дознавателя; затем слух, что его собирались отдать под трибунал за прямое обвинение старшего по рангу Инквизитора; затем, наконец, самый тревожный из всех — известие, что Кассий бесследно исчез с форпоста незадолго до того, как должно было состояться разбирательство.

— Бежал или его убрали тихо, без лишнего шума? — прямо спросила Верба у связного, принёсшего эту весть.

— Никто не знает наверняка, — пожал плечами тот. — Форпост предпочитает не распространяться о подробностях — то ли из осторожности, то ли из настоящего замешательства.

Ясна, услышав это, вспомнила разговор с Кассием у самого начала их знакомства — холодную, искреннюю убеждённость человека, всю жизнь верившего в правоту собственной службы, — и то, как эта убеждённость дала первую трещину в ночь его унижения перед Альриком.

— Если он бежал сам, — медленно сказала она, — куда он мог пойти? Обратно к прежней жизни для него пути нет — Орден не простит второго предательства после первого доноса. А довериться нам после всего, что было между нами, он едва ли решится без крайней необходимости.

— Люди в отчаянии выбирают не то, что кажется разумным со стороны, а то единственное, что ещё остаётся, — заметила Верба. — Если Кассий действительно сбежал сам, а не был устранён, у него, вероятно, не так много вариантов, куда идти дальше. Не удивлюсь, дитя, если рано или поздно его путь снова пересечётся с нашим — не как с врагом и не как с ненадёжным союзником по расчёту, а как с человеком, которому больше некуда идти.

Сорен, слушавший разговор, невольно вспомнил собственный путь — от вынужденной службы через клеймо покорности к добровольному, осознанному выбору стороны, — и, не удержавшись, произнёс вслух то, что подумал:

— Может быть, для таких, как Кассий, как я, как даже Альрик сейчас, именно крайняя необходимость и есть единственная дверь, через которую Орден вообще способен кого-то отпустить по-настоящему. Пока всё хорошо, слишком многие держатся за привычную веру, какой бы лживой она ни оказалась при ближайшем рассмотрении. Ломается вера обычно только тогда, когда терять уже нечего.

Глава 5. Первый пробный удар

Тревожные вести с дорог и слухи о Родерике сменились куда более непосредственной угрозой спустя ещё две недели, когда дозорные южного поста заметили организованный отряд, методично прочёсывающий предгорья в опасной близости от северной усадьбы.

— Не облава, — доложила Ольха, вернувшаяся с поста бледной, но собранной. — Облава мечется, проверяет всё подряд. Этот отряд шёл ровно, квадратами, будто по заранее составленной карте, — как будто кто-то заранее рассчитал, где именно нас искать, а не просто прочёсывал местность наугад.

Верба немедленно подняла на ноги всех, кто мог держать оружие, готовясь к худшему, — но отряд, к общему облегчению и одновременно растущей тревоге, не подошёл к самой усадьбе вплотную, ограничившись прощупыванием дальних подступов, прежде чем развернуться и уйти тем же организованным маршем, каким пришёл.

— Пробный удар, — заключила Хвоя, наблюдавшая за отступлением отряда из укрытия. — Проверяли не столько, найдут ли нас сегодня, сколько саму местность — насколько плотно можно расставить посты, где удобнее разбить лагерь для долгой осады, если до неё дойдёт.

— Значит, готовятся не к разовому налёту, а к длительному, методичному поиску, — тяжело произнесла Верба. — Именно то, чего мы и опасались с самого начала, узнав о переброске Родерика.

Вечером того же дня, когда основная тревога улеглась, а дозоры удвоились по всему периметру усадьбы, Ясна поймала себя на мысли, что впервые за долгое время боится не столько за собственную судьбу, сколько за судьбу всех тех, кто оказался связан с ней слишком тесно, чтобы остаться в стороне от надвигающейся войны.

— Если Родерик действительно готовит долгую осаду этих земель, — сказала она Вербе тем же вечером, — рано или поздно он найдёт нас здесь, сколько бы дозоров мы ни выставляли. Военная кампания масштабом в целый регион не остановится перед одним хорошо укрытым поместьем.

— Ты права, — не стала спорить Верба. — И именно поэтому нам нужно решить, что делать дальше, — не завтра, не через неделю, а уже сейчас, пока у нас ещё есть время выбирать, а не только реагировать на чужие удары.

Глава 6. Совет

Общий совет, собранный на следующий день в главном зале усадьбы, получился самым напряжённым со времён спора о походе Яроша на лагерь Альрика в книге о минувших событиях, — только на этот раз речь шла не о выборе между двумя путями сопротивления внутри одной общины, а о куда более фундаментальном вопросе: способен ли Дом теней вообще выстоять в одиночку против того, что готовил Орден.

— Мы не можем продолжать прятаться поодиночке, — начала Верба, обращаясь ко всей собравшейся общине. — То, что происходит сейчас, — не облава, которую можно пересидеть в очередном укрытии. Это война, а войну в одиночку не выигрывают ни отдельные ячейки Меченых, ни отдельные общины беглецов.

— Что ты предлагаешь взамен? — спросил Дрок, хотя по его лицу было видно: он уже догадывался об ответе.

— Дягиль рассказывал нам в дороге сюда, что Дом теней — не единственная подобная сеть в королевстве, — сказала Верба. — Разбросаны по всему Илмеру десятки, а может, и больше подобных общин, каждая из которых до сих пор действовала в одиночку из осторожности, опасаясь, что объединение сделает нас всех более уязвимой, единой мишенью. Может быть, время такой осторожности прошло. Может быть, единственный шанс выстоять против организованной военной кампании Ордена — впервые за многие годы объединить силы, а не множить число отдельных, уязвимых поодиночке убежищ.

Спор, вспыхнувший после этих слов, длился большую часть дня — одни опасались, что объединение действительно создаст ту самую единую мишень, о которой веками предупреждали осторожные традиции Дома теней; другие, напротив, указывали, что раздробленность никогда не спасала от планомерного, военного по своей сути наступления, с каким они столкнулись впервые.

— Я знаю, о чём говорю, когда говорю о цене раздробленности, — сказала наконец Ясна, впервые за весь спор взяв слово перед всей общиной, не только перед узким кругом старших. — Полгода назад мы с трудом отбились от одного Инквизитора и его отряда. Сегодня против нас — целая военная кампания под командованием человека, привыкшего мыслить не одной облавой, а годами планомерной войны. Если мы не найдём способ встретить эту силу вместе с другими, кто рискует не меньше нашего, я не вижу, как нам выстоять в одиночку достаточно долго, чтобы дождаться перемен, на которые мы все надеемся.

Её слова, произнесённые не с привычной для неё сдержанностью, а с прямой, выстраданной тревогой, определили исход спора вернее любых доводов Вербы. К вечеру совет принял решение: искать союз с другими ячейками Меченых по всему Илмеру, начиная с тех немногих, о которых хоть что-то было известно через сеть связных Дягиля.

Глава 7. Ярош возвращается

Прежде чем отправлять кого-либо в дальний, рискованный путь на юг в поисках прежде неизвестных союзников, Верба настояла на том, чтобы сначала укрепить и без того хрупкое перемирие с Ярошем, достигнутое после тяжёлой цены книги о столкновении с Альриком.

Ярош, встретивший Вербу и Ясну на этот раз не в собственном, урезанном после потерь лагере, а на нейтральной, заранее условленной поляне, выглядел куда собраннее, чем при их последней встрече, — усталость от потерь никуда не делась, но во взгляде его читалась не прежняя непримиримая ярость, а нечто похожее на трезвый, взвешенный расчёт.

— Слышал о Родерике, — сказал он без предисловий. — Слышал и о переброске войск на дорогах. Полагаю, вы здесь не для того, чтобы просто обменяться новостями.

— Мы здесь, чтобы предложить нечто большее, чем прежнее хрупкое перемирие, — прямо сказала Верба. — Настоящий, скоординированный союз — не только между нами и тобой, но, если получится, со всеми, кто готов встретить надвигающуюся войну вместе, а не поодиночке.

Ярош долго молчал, обдумывая предложение с той же трезвой серьёзностью, что и весь их разговор.

— Год назад я предлагал тебе нечто похожее, Верба, и ты отвергла саму идею как слишком рискованную, — заметил он наконец, впрочем, без прежней горечи в голосе. — Что изменилось?

— Изменился противник, — честно ответила Верба. — Год назад мы спорили о том, как лучше противостоять региональному Дознавателю и даже Инквизитору. Теперь речь о полномасштабной военной кампании, рассчитанной, судя по всему, на годы вперёд. Моя прежняя осторожность была рассчитана на прежний масштаб угрозы. Этот масштаб она больше не выдерживает.

— Значит, ты наконец согласна, что иногда нападение — не безрассудство, а необходимость, — не удержался Ярош от лёгкого, беззлобного укола.

— Я согласна, что иногда координация важнее чистоты собственных принципов, — уточнила Верба с тенью улыбки. — Не путай одно с другим, Ярош. Я всё ещё не разделяю твоей веры в то, что нападение первым всегда лучше обороны. Но я готова признать: в одиночку ни твой путь, ни мой путь не выстоят против того, что готовит Родерик.

Они проговорили до позднего вечера, вырабатывая условия куда более тесного, чем прежде, сотрудничества — совместные дозоры на границах общих земель, обмен сведениями без промедления, готовность прийти на помощь друг другу при первом же серьёзном ударе Ордена. Ясна, слушая этот разговор, невольно вспомнила слова, сказанные ей когда-то Дягилем в дороге: мечта об общем сопротивлении красива, но цена ошибки в её воплощении может оказаться страшнее цены разобщённости. Оставалось надеяться, что на этот раз цена окажется в другую сторону.

Глава 8. План поиска союзников

Вернувшись из переговоров с Ярошем, Верба без промедления занялась подготовкой куда более рискованного предприятия — похода на юг, к прежде неизвестным ячейкам сети, о которых знал лишь Дягиль да немногие из старших связных.

— Идти должны немногие, — сказала она, собрав узкий круг для обсуждения деталей. — Большой отряд легче заметить, а если поход провалится, лучше потерять малую часть общины, чем поставить под удар её всю разом.

— Я пойду, — тут же сказала Ясна, не дожидаясь, пока кто-либо предложит иное. — Если мы просим других рисковать ради общего дела, я не могу оставаться в стороне, пока они решают, довериться нам или нет, только по чужим рассказам обо мне.

— Опасно, — тут же возразил Дрок. — Ты именно то, за чем охотится Родерик. Если тебя узнают в дороге, весь поход обернётся катастрофой для всех, кто идёт с тобой.

— Именно поэтому меня и стоит взять, — не отступила Ясна. — Живое подтверждение того, о чём мы просим других поверить на слово, значит больше любых пересказов. Если Меченые по всему Илмеру должны решить, стоит ли рисковать ради меня, пусть решают, увидев меня своими глазами, а не только услышав слухи.

Спор продолжался ещё некоторое время, но в конце концов Верба, хоть и с явной неохотой, согласилась с доводами Ясны — при условии, что отряд будет составлен из самых надёжных и опытных бойцов, каких только могла выделить община.

— Хвоя пойдёт как проводник и разведчица, — решила Верба. — Сорен — как боец и как единственный среди нас, кто действительно знает изнутри, как мыслят и действуют силы, брошенные против нас. Дрок — раз уж он так рьяно возражал против риска, пусть сам проследит, чтобы риск свёлся к минимуму на деле, а не только на словах.

Дрок невольно усмехнулся такому повороту, но не стал спорить дальше — он и сам, судя по всему, не готов был остаться в стороне, пока Ясна отправлялась в неизвестность без него.

— Куда именно мы направляемся? — спросил Сорен, разворачивая на столе грубую, во многом приблизительную карту южных земель Илмера, какой располагала община.

— Дягиль оставил нам имена и приметы троих связных, через которых можно выйти на другие ячейки, — сказала Верба, указывая на несколько отмеченных карандашом точек на карте, разбросанных на добрый десяток дней пути друг от друга. — Больше он знать не мог наверняка — сама природа подобной сети предполагает, что никто не владеет полной картиной целиком. Придётся искать путь дальше уже на месте, полагаясь на удачу и на то доверие, какое вам удастся заслужить по дороге.

Глава 9. Прощание перед дорогой

Ночь перед выходом отряда на юг Ясна провела без сна — не столько от тревоги перед предстоящим путём, сколько от осознания того, что впервые с момента прибытия на новое место ей предстояло надолго покинуть дом, обретённый такой высокой ценой.

Сорен нашёл её на той же полуразрушенной сторожевой башне, где несколько месяцев назад они впервые открыто признались друг другу в чувствах, — с тех пор место это негласно стало их общим убежищем в редкие тихие часы.

— Не спится? — спросил он, устраиваясь рядом.

— Слишком много мыслей сразу, — призналась она. — О том, что мы оставляем усадьбу менее защищённой, забирая с собой четверых из самых опытных бойцов. О том, что где-то там, на юге, нас может ждать не помощь, а новая ловушка, о существовании которой мы даже не подозреваем. О том, что если Родерик найдёт способ выследить нас в пути, вся надежда на союз рухнет прежде, чем мы успеем её выстроить.

— Обо всём этом стоит тревожиться, — не стал спорить Сорен. — Но тревога не должна лишать тебя сна накануне дороги, требующей всех твоих сил. Позволь себе хотя бы на одну эту ночь просто быть рядом со мной, не неся в одиночку весь груз завтрашних тревог.

Он обнял её, и Ясна, впервые за долгий вечер, позволила себе на несколько минут просто прижаться к нему, вслушиваясь в тишину ночи, разбавленную лишь редкими сигналами дозорных на постах.

— Что бы ни случилось в пути, — тихо сказала она, — я рада, что ты идёшь рядом.

— Я обещал тебе в ночь нашего прибытия сюда, что не намерен ждать молча, скрывая чувства, — так же тихо ответил он. — Обещание это касалось не только слов, Ясна. Оно касалось всего, что нам ещё предстоит пройти вместе, — включая любую дорогу, какой бы опасной она ни оказалась.

Утром, когда отряд наконец собрался у ворот усадьбы, готовый выступить, Верба лично проводила их до самой границы обжитых земель, дав последние наставления и вручив Ясне небольшой, туго свёрнутый свиток с именами и приметами известных связных.

— Возвращайтесь живыми, — сказала она просто, без лишней торжественности, которая была бы неуместна перед лицом настоящей опасности. — Не ради союза, который мы надеемся заключить, — ради самих себя. Союз можно искать снова, если эта попытка не удастся. Ваши жизни — нет.

Глава 10. В путь

Первые дни пути на юг прошли на удивление спокойно — отряд двигался осторожными, окольными тропами, избегая главных дорог, где военные обозы Родерика встречались теперь куда чаще прежнего, и с каждым днём пути земли вокруг менялись, открывая Ясне ту часть королевства, какой она прежде не видела даже мельком.

— Дальше на юг Илмер становится теплее, — рассказывала Хвоя, ехавшая рядом с Ясной большую часть дороги. — Меньше пустошей, больше обжитых земель, гуще население. Значит, и Ордену здесь проще действовать открыто, не опасаясь, что редкие свидетели донесут о чём-то необычном.

— Значит, нам придётся быть ещё осторожнее, чем на севере, — заметила Ясна.

— Именно так, — подтвердила Хвоя. — Здесь мы не сможем просто затеряться в глуши, если что-то пойдёт не так. Придётся полагаться на умение сходить за обычных путников, а не на пустоту окрестных земель.

Вечерами, разбивая лагерь в стороне от дорог, отряд подолгу обсуждал, как лучше вести себя при встрече с первым из связных Дягиля, — Ясна, по общему решению, должна была держаться в тени, представляясь простой спутницей, пока Хвоя и Сорен не убедятся, что встреча безопасна.

— Не нравится мне скрываться даже от тех, кого мы ищем как союзников, — призналась Ясна на третий вечер пути, глядя на огонь походного костра.

— Осторожность — не то же самое, что недоверие, — заметил Дрок, неожиданно поддержав её сомнение, хоть и с противоположным выводом. — Но и доверие, выданное слишком быстро, слишком многим, слишком часто оборачивалось предательством, чтобы я советовал спешить с открытостью прежде времени.

Ясна невольно улыбнулась, вспоминая, каким недоверчивым и закрытым был Дрок при их первой встрече в книге о Вербовке, — путь, пройденный им с тех пор, оказался ничуть не короче её собственного пути от испуганной беглянки до кого-то, к чьему мнению теперь всерьёз прислушивалась целая община.

На пятый день пути, когда отряд приблизился к первой из отмеченных на карте точек — небольшой, ничем не примечательной деревушке в предгорьях, — они наконец обнаружили нечто, подтвердившее правоту слов Дягиля о существовании более широкой сети, чем мог себе представить кто-либо из Дома теней прежде: на въезде в деревню, на неприметном придорожном камне, был выбит едва заметный знак — крохотный, стилизованный побег растения, тот самый символ, каким Дом теней издавна метил безопасные для своих тропы.

— Не только мы используем такие метки, — тихо произнесла Хвоя, разглядывая знак. — Значит, Дягиль не ошибался. Сеть действительно шире, чем мы думали.

Глава 11. Первая ячейка

Связная в деревне, пожилая травница, к которой их привёл условный знак и пароль, данный Дягилем, встретила отряд настороженно, но не враждебно, — однако то, что она рассказала о ближайшей ячейке Меченых, к которой могла их проводить, обернулось для Ясны первым настоящим разочарованием этого похода.

— Ячейка есть, — подтвердила травница, внимательно оглядев всех четверых, прежде чем заговорить откровеннее. — Небольшая, живёт тихо уже много лет, не привлекая внимания форпоста. Не уверена, что они захотят разговаривать о союзах и войнах.

Опасения травницы подтвердились в тот же день, когда она проводила отряд к скромному, хорошо укрытому в лесной чаще поселению из нескольких землянок. Встретивший их немолодой мужчина, представившийся просто Корнем, выслушал предложение Вербы, переданное через Ясну, с нескрываемым, вежливым, но твёрдым отказом.

— Мы выжили здесь двадцать лет именно потому, что никогда не привлекали к себе лишнего внимания, — сказал он, качая головой. — Ваша война, может, и справедлива, дитя, но она не наша. У нас старики, дети, которым нечем защищаться, кроме тишины и незаметности. Ввязаться в открытое противостояние с Орденом — значит обречь их всех на опасность, которой мы избегали десятилетиями.

— Я понимаю ваши опасения, — тихо сказала Ясна, стараясь не показать разочарования. — Но если Родерик действительно намерен вести долгую, организованную кампанию по всему Илмеру, тишина и незаметность могут не спасти вас так же надёжно, как спасали прежде.

— Может быть, — не стал спорить Корень. — А может, и спасут ещё двадцать лет, если повезёт и вы не приведёте беду прямо к нашему порогу самим фактом этого разговора. Простите за прямоту, дитя, но я не готов рисковать жизнями тех, за кого отвечаю, ради войны, в которой я не вижу для нас ни единого шанса на победу.

Отряд покинул поселение с пустыми руками, и разочарование, повисшее над путниками в тот вечер, оказалось тяжелее, чем ожидала Ясна.

— Не все готовы рискнуть, даже зная цену бездействия, — заметил Сорен, стараясь утешить её у вечернего костра. — Это не значит, что наш путь ошибочен. Это значит только, что не каждая дверь откроется с первого стука.

— Я понимаю его страх, — тихо ответила Ясна. — Мне только жаль, что понимание не делает отказ менее горьким.

Глава 12. Нападение в пути

Разочарование первой неудачи не успело до конца улечься, когда отряд, продолжая путь ко второй из отмеченных точек, столкнулся с опасностью иного, куда более непосредственного рода: на второй день после ухода из деревни травницы дозорное чутьё Хвои уловило неладное задолго до того, как остальные заметили хоть что-то тревожное вокруг.

— Тихо, — прошептала она, останавливая отряд жестом. — Что-то движется в подлеске справа. Не человек.

Мороки, вырвавшиеся из зарослей мгновение спустя, оказались немногочисленными — всего трое, — но появление их вдали от привычных приграничных земель, куда ближе к обжитым южным территориям, чем ожидал кто-либо из отряда, встревожило Ясну сильнее самой схватки.

— Они не должны заходить так далеко от Раздела, — крикнула она, уклоняясь от когтей ближайшей твари и тут же обрушивая на неё собранный, точный удар Клейма, отточенный месяцами тренировок. — Что-то тревожит саму границу сильнее обычного.

Сорен, отбивавшийся мечом от второго Морока бок о бок с Дроком, не успел ответить сразу — бой требовал полного внимания, — но когда последняя тварь наконец пала под совместным натиском отряда, он высказал вслух ту же тревогу, что не давала покоя Ясне.

— Мороки не мигрируют без причины, — сказал он, тяжело дыша после схватки. — Если они появляются южнее обычного, либо сам Раздел как-то потревожен, либо кто-то намеренно нарушает его равновесие.

— Думаешь, это дело рук Ордена? — с тревогой спросила Ясна.

— Не знаю наверняка, — покачал головой Сорен. — Но если правда об «Обряде Вечного Пламени», о которой мы ещё не знаем всех подробностей, хоть немного связана с самим Разделом, не удивлюсь, если подготовка Ордена к нему уже сейчас как-то отражается на равновесии границы между мирами.

Хвоя, осматривавшая место схватки в поисках дальнейших следов, подтвердила худшие опасения отряда.

— Здесь были другие следы Мороков, помимо этих троих, — сказала она, указывая на примятую траву и характерные борозды когтей, ведущие в разных направлениях. — Не стая, но заметно больше, чем случайность. Что-то действительно тревожит границу шире, чем мы привыкли считать нормальным.

Дрок, перевязывавший неглубокую царапину, полученную в схватке, мрачно покачал головой.

— Замечательно, — пробормотал он с невесёлой иронией. — Мало нам военной кампании Родерика — теперь ещё и сама граница миров решила напомнить о себе не вовремя.

Глава 13. Слухи о Кассии

Третий день после стычки с Мороками принёс отряду не только усталость от вынужденного крюка в обход неспокойных земель, но и неожиданную весть, догнавшую их через цепочку местных связных, предупреждённых травницей о продвижении отряда на юг.

— Гонец от Дягиля, — доложила Хвоя, вернувшись с короткой отлучки в ближайшее селение. — Просил передать: до него дошли достоверные слухи о Кассии.

— Что за слухи? — тут же спросила Ясна, вспоминая недавний разговор о судьбе бывшего Дознавателя.

— Он действительно бежал с форпоста сам, не дожидаясь трибунала, — сказала Хвоя. — По одним данным, скрывается где-то в южных землях, избегая как Ордена, так и любых известных ячеек Меченых, не зная, можно ли доверять кому-либо после всего, что сам натворил. По другим — уже пытался выйти на связь с одной из мелких, менее осторожных ячеек, но получил отказ, едва назвав своё прежнее звание.

— Значит, он мечется между двумя мирами, не находя себе места ни в одном, — тихо произнесла Ясна, чувствуя странную, неуместную, быть может, жалость к человеку, доставившему ей и её близким столько боли.

— Заслуженная участь для предателя, который предавал уже дважды, — резко заметил Дрок, впрочем, без прежней непримиримости в голосе. — Хотя, признаю, было время, когда я говорил то же самое о Сорене.

Сорен, услышав это признание, невольно улыбнулся — путь, пройденный Дроком от слепого недоверия к нему до подобного, пусть и колючего, признания собственной прежней ошибки, действительно оказался долгим.

— Если он ищет, кому довериться, а никто не хочет рисковать ради разжалованного, дважды предававшего Дознавателя, — медленно сказала Ясна, — куда, по-твоему, приведёт его отчаяние в конце концов?

— К тому, у кого меньше причин отказать ему с порога, — ответила Хвоя, — потому что этот кто-то уже видел, как меняются люди, если дать им шанс, а не судить раз и навсегда по одному-единственному поступку.

Никто из отряда не произнёс вслух очевидного вывода — что рано или поздно путь отчаявшегося, изгнанного отовсюду Кассия вполне может пересечься с путём самой Ясны, — но по тому, как задумчиво примолкли все четверо в тот вечер у костра, было ясно: каждый думал именно об этом.

Глава 14. Пепельный обоз

Вторая из отмеченных на карте точек оказалась куда труднее для обнаружения, чем первая, — отряду потребовалось почти неделя дополнительных расспросов и осторожных проверок, прежде чем местный связной наконец согласился указать точное направление к ячейке, известной в этих краях под настораживающим названием «Пепельный обоз».

— Не такие, как вы привыкли, — предупредила связная, немолодая знахарка, прежде чем указать дорогу. — Более суровые. Живут не тихой общиной, а чем-то вроде укреплённого лагеря. Осторожнее с ними — доверие у них не по умолчанию, а по заслугам, и заслужить его непросто.

Предупреждение оказалось не преувеличением. Лагерь, к которому отряд вышел на исходе следующего дня, разительно отличался и от привычного уюта Дома теней, и даже от суровой, но всё же в чём-то семейной дисциплины лагеря Яроша: ровные ряды укреплений, чёткие дозорные посты, сменяющиеся по строгому расписанию, — всё здесь дышало не просто осторожностью, а настоящей, отработанной военной организацией.

Их заметили задолго до того, как отряд успел приблизиться на расстояние окрика, — из-за частокола навстречу выступила женщина средних лет, невысокая, но державшаяся с той особой прямой собранностью, что выдаёт человека, привыкшего командовать, а не подчиняться.

— Стоять, — скомандовала она, не повышая голоса, но так, что ослушаться казалось немыслимым. — Назовите себя и цель прихода, прежде чем сделаете ещё хоть шаг.

— Меня зовут Верес, — начала Ясна, используя имя, принятое в Доме теней, — мы пришли с миром, ищем разговора, не конфликта.

Женщина смерила её долгим, оценивающим взглядом — не враждебным, но и далёким от того тепла, с каким Дом теней встречал новых людей.

— Верес, значит, — повторила она без всякого выражения. — Наслышана о Доме теней с севера. Мягкие, осторожные, привыкли прятаться и надеяться, что беда пройдёт стороной. Меня зовут Зарина. Здесь мы живём иначе.

— Мы пришли не судить, как вы живёте, — сказала Ясна, стараясь не поддаваться на очевидный вызов в тоне собеседницы. — Мы пришли предложить союз перед лицом угрозы, которая касается всех Меченых Илмера без исключения, вне зависимости от того, как именно каждая ячейка привыкла ей противостоять.

Зарина долго молчала, оценивающе разглядывая по очереди Ясну, Сорена, Хвою и Дрока, прежде чем наконец заговорила снова — уже не с прежней холодной настороженностью, но и далеко ещё не с доверием.

— Союз, — произнесла она задумчиво, будто пробуя слово на вкус. — Слышала я в своё время о подобных предложениях от мягкосердечных общин вроде вашей. Обычно кончалось это тем, что в решающий момент мягкость брала верх над необходимостью, и союзники подводили именно тогда, когда цена промедления становилась наибольшей.

— Мы готовы доказать делом, а не только словом, что на этот раз всё будет иначе, — твёрдо сказала Ясна.

— Посмотрим, — коротко ответила Зарина, разворачиваясь к воротам лагеря. — Заходите. Поговорим внутри, при свете, а не на пороге, как случайных путников. Но предупреждаю сразу: моё доверие небыстрое и недешёвое. Придётся заслужить его чем-то весомее одних лишь красивых слов о общей угрозе.

Часть вторая. Сеть сопротивления

Глава 15. Зарина

Внутри частокола лагерь оказался ещё более упорядоченным, чем можно было судить снаружи, — ровные ряды землянок и наскоро сколоченных казарм, отдельная площадка для обучения боем, где даже подростки лет двенадцати-тринадцати отрабатывали удары под присмотром хмурого, немолодого наставника, и ни единого праздного лица среди снующих туда-сюда обитателей.

Зарина привела гостей в свою землянку — просторную, но обставленную с той же суровой практичностью, что и весь лагерь: ни одной лишней вещи, только оружие, карты и грубо сколоченный стол, за которым она жестом пригласила всех четверых сесть.

— Рассказывайте, — сказала она, усаживаясь напротив. — Всё, с самого начала. Я не подписываюсь ни под чем, пока не пойму, с кем имею дело на самом деле, а не с чужих слов.

Ясна рассказала — коротко, без прикрас, начиная с пробуждения Клейма в Вербовке и заканчивая последними вестями о переброске Родерика. Зарина слушала молча, не перебивая, лишь изредка бросая острые, проверяющие вопросы, стоило рассказу коснуться подробностей, которые легко было бы приукрасить или исказить.

— Ты действительно заставила осколок Инквизитора вспыхнуть? — спросила она, когда рассказ дошёл до ночи у старой каменоломни. — Своими глазами видела, не с чужих слов?

— Своими руками держала Клеймо, из-за которого он вспыхнул, — ровно ответила Ясна. — Если хотите, я могу показать вам хоть сейчас, на что способно моё Клеймо, — не ради хвастовства, а чтобы вы сами могли судить, стоит ли моя история доверия.

Зарина долго разглядывала её, будто взвешивая эту неожиданную готовность на весах собственного, годами выработанного недоверия.

— Не нужно демонстраций, — сказала она наконец. — Я верю, что ты веришь в собственный рассказ. Вопрос не в этом. Вопрос в том, чего вы на самом деле хотите от нас взамен на союз, который вы предлагаете.

— Взаимной помощи, — сказала Верба, о которой в лагере знали лишь по пересказам Ясны, но чьё имя, судя по всему, само по себе значило немало даже здесь. — Обмена сведениями. Готовности прийти на выручку, если удар Ордена придётся по одной из наших общин, а не по всем разом.

— Мягкие слова для непростого предложения, — заметила Зарина. — Мы здесь не привыкли просто обороняться и ждать, чем закончится чужая беда. Если мы вступаем в союз, я ожидаю, что в нужный момент мои люди не останутся зрителями, пока Дом теней решает, стоит ли рисковать ради нас, — и наоборот, разумеется.

— Мы готовы к такой взаимности, — твёрдо сказала Ясна.

— Слова легко произносить у тёплого костра, — с прежней жёсткостью ответила Зарина. — Посмотрим, чего они стоят, когда придёт настоящее испытание. А оно придёт, я не сомневаюсь, куда раньше, чем кому-либо из нас хотелось бы.

Она не дала окончательного согласия в тот вечер — лишь предложила отряду остаться в лагере на несколько дней, присмотреться друг к другу поближе, прежде чем скреплять союз чем-то большим, чем устные обещания. Ясна, соглашаясь на эти условия, невольно подумала, что осторожность Зарины, при всей её колючести, отличалась от осторожности Вербы не сутью, а лишь формой выражения — оба лидера одинаково не готовы были рисковать чужими жизнями ради красивых, но непроверенных слов.

Глава 16. Кассий возвращается

На третий день пребывания отряда в лагере Зарины, когда Ясна начала понемногу привыкать к его суровому, но по-своему справедливому укладу, дозорные подняли тревогу иного рода, чем обычно, — не приближение военного отряда Ордена, а появление одинокого, изнурённого путника, вышедшего из леса прямо к внешнему периметру с поднятыми руками, явно не имея сил ни бежать, ни сопротивляться при поимке.

— Веди его сюда, — коротко распорядилась Зарина, когда дозорные доложили о находке. — Посмотрим, что за птица залетела в наши сети.

Путника ввели в общий двор лагеря спустя несколько минут — исхудавшего, заросшего щетиной, в изодранной, некогда добротной одежде, — и Ясна, всмотревшись в его измождённое лицо, почувствовала, как у неё перехватывает дыхание от узнавания.

— Кассий, — вырвалось у неё прежде, чем она успела сдержаться.

Бывший Дознаватель поднял голову на звук своего имени, и в глазах его, некогда полных холодной, самодовольной уверенности, теперь читалось лишь крайнее, беспросветное измождение человека, идущего на последних силах.

— Ясна Верес, — хрипло произнёс он, и в голосе его не было ни привычной властности, ни попытки сохранить лицо перед новым, куда более суровым окружением, чем форпост Вербовки. — Не ожидал, что судьба сведёт нас именно здесь.

Зарина, до этого молча наблюдавшая за неожиданной встречей, шагнула вперёд с недвусмысленным, угрожающим выражением лица.

— Дознаватель Ордена, — процедила она, положив руку на рукоять клинка. — Здесь, в моём лагере. Объясни мне быстро и убедительно, почему я не должна прямо сейчас решить твою судьбу самым простым из возможных способов.

— Не Дознаватель больше, — тихо возразил Кассий, не делая ни малейшей попытки защититься или отступить перед явной угрозой. — Не Дознаватель уже давно. Разжалован, объявлен предателем собственным Орденом, бежал от трибунала, который скорее всего закончился бы для меня не многим лучше, чем твой клинок сейчас. Мне некуда больше идти, Зарина. Я пришёл не как враг и не как шпион — я пришёл, потому что больше идти некуда, а умирать в одиночестве в лесу мне не хватило духа.

— Он говорит правду, — тихо сказала Ясна, вставая между Кассием и занесённым над ним гневом Зарины. — По крайней мере, часть правды, которую я могу подтвердить сама. Он предал Альрика ради нас однажды, из расчёта, не из симпатии. Но за это его действительно разжаловали и чуть не отдали под трибунал.

— И ты предлагаешь довериться человеку, который уже дважды предавал тех, кому служил, лишь потому что ему больше некуда идти? — резко спросила Зарина, не убирая руки с оружия.

— Я не прошу довериться мне, — тихо вмешался сам Кассий, прежде чем Ясна успела ответить. — Я прошу лишь позволить мне остаться живым и, если получится, доказать делом то, что не смогу доказать одними словами. У меня нет больше ни титула, ни защиты, ни причины лгать кому-либо из вас, — только собственная жизнь, которую я готов поставить на кон, чтобы показать: я действительно ушёл от Ордена, а не просто сбежал от одного наказания в поисках другого укрытия.

Глава 17. Доверие под вопросом

Спор о судьбе Кассия занял большую часть следующего дня, разделив не только отряд Ясны и обитателей лагеря Зарины, но и, как выяснилось, саму Зарину, разрывавшуюся между собственной, годами воспитанной подозрительностью и трезвым расчётом человека, привыкшего оценивать пользу, а не только риск.

— Мы не можем просто отпустить его — если его схватят снова, он выдаст расположение и этого лагеря, и северной усадьбы, лишь бы купить себе прощение, — рассуждала Зарина на общем совете, собранном для решения его судьбы. — Но и держать его как пленника означает кормить лишний рот и постоянно опасаться, что он выберет побег, как только представится случай.

— Есть третий путь, — сказала Верба, до этого молча слушавшая спор. — Дать ему шанс доказать себя делом, но не давать при этом полной свободы и полного доверия сразу. Так мы поступили с Сореном в своё время — не потому, что доверяли ему безоговорочно с первого дня, а потому, что готовы были судить по поступкам, а не только по прошлому.

Дрок, чьё мнение о доверии к бывшим служителям Ордена было хорошо известно всей общине после долгой, трудной истории с самим Сореном, неожиданно для многих поддержал именно эту позицию.

— Я был неправ насчёт Сорена дольше, чем следовало, — сказал он прямо. — Не хочу повторить ту же ошибку с другим человеком лишь потому, что урок первого раза дался мне слишком тяжело, чтобы захотеть учиться снова. Пусть докажет делом. Если предаст — что ж, тогда мы будем знать наверняка, а не гадать заранее.

Зарина долго молчала, обдумывая услышанное, прежде чем наконец вынести решение.

— Хорошо, — сказала она. — Он останется здесь, под присмотром, без права покидать лагерь в одиночку и без доступа к сведениям, способным навредить нам, если он всё же обманет ожидания. Но я даю ему шанс показать, чего стоят его слова, — не ради него самого, а потому что Верес и её люди, кажется, искренне верят, что подобные шансы иногда того стоят.

Ясна нашла Кассия тем же вечером у дальнего края лагеря, куда его поселили отдельно от общих землянок, — он сидел в одиночестве, глядя на первые звёзды, проступающие на вечернем небе, с выражением лица человека, ещё не до конца поверившего в собственное, столь зыбкое спасение.

— Спасибо, — тихо сказал он, заметив её приближение. — За то, что заступилась. Не думал, что после всего случившегося между нами кто-то станет заступаться за меня перед клинком у горла.

— Я заступилась не потому, что забыла, сколько боли ты нам причинил, — честно сказала Ясна. — А потому, что видела, как меняются люди, если дать им шанс, а не судить раз и навсегда по одному поступку. Не разочаруй меня, Кассий. Второй раз заступиться будет куда труднее.

Глава 18. След Ивы

Спустя ещё несколько дней, за которые Кассий, к удивлению многих, действительно начал понемногу зарабатывать доверие лагеря скромной, безотказной помощью в самой чёрной, неблагодарной работе, разведка Зарины принесла весть, мгновенно изменившую все планы отряда.

— Один из наших людей, внедрённый в обоз снабжения южного форпоста, доложил о необычной перевозке, — сообщила Зарина, собрав Ясну и её спутников для срочного разговора. — Хорошо охраняемая повозка, маршрут проложен в обход обычных дорог, к особо укреплённому объекту в дне пути отсюда. По описанию сопровождающих — та же охрана, что обычно приставлена к особо ценным пленникам Ордена.

— Ива, — тихо произнесла Ясна, чувствуя, как сердце сжимается при одной мысли о возможности наконец сделать то, что не удалось Осокорю и всему Дому теней в ночь его гибели.

— Не могу утверждать наверняка, — предупредила Зарина, — но описание совпадает с тем, что вы рассказывали об этой вашей опустошённой ищейке. Если это действительно она, перевозят её, судя по маршруту, куда-то южнее — возможно, готовят к чему-то, для чего Родерику больше не требуется, чтобы она рыскала по лесам в поисках беглянок.

Сорен, услышав это, помрачнел ещё сильнее, чем сама Ясна.

— Если её больше не используют как ищейку, а готовят к чему-то иному, — сказал он медленно, — это может означать, что она нужна для чего-то, связанного напрямую с самим обрядом, о котором Родерик, несомненно, знает больше, чем рядовые Инквизиторы вроде Альрика.

— Тем больше причин не дать этой перевозке достигнуть цели, — твёрдо сказала Ясна, поворачиваясь к Зарине. — Вы говорили, что союз проверяется делом, а не словами. Вот дело, ради которого стоит рискнуть, — не только ради одной пленницы, но и ради того, чтобы не дать Ордену довести до конца нечто, чего мы пока даже не понимаем до конца.

Зарина долго смотрела на неё, взвешивая предложение с той же трезвой практичностью, с какой оценивала всё прочее с момента их первой встречи.

— Хорошо охраняемый конвой на чужой территории — не лёгкая цель, — сказала она наконец. — Но если мы хотим, чтобы союз между нами значил нечто большее, чем красивые слова у костра, лучшего повода для первого совместного дела не найти. Собираем людей. У нас меньше двух дней, чтобы перехватить конвой прежде, чем он достигнет укреплённого объекта.

Глава 19. План освобождения

Планирование операции заняло остаток дня и большую часть следующей ночи — Зарина, привыкшая мыслить военными категориями, оказалась неожиданно ценным союзником именно в вопросах тактики, какой не хватало Дому теней при всей его многолетней осторожности.

— Открытый штурм хорошо охраняемого конвоя на марше — самоубийство, — заявила она, разложив на грубом столе схематичный план предполагаемого маршрута, составленный по донесениям разведчиков. — Нам нужна засада в узком месте, где численное превосходство охраны не сыграет решающей роли, и достаточно быстрый удар, чтобы захватить пленницу прежде, чем подоспеет подкрепление с ближайшего форпоста.

— Здесь, — указала Хвоя на отмеченный на схеме узкий горный проход, через который, по расчётам, должен был пройти конвой на второй день пути. — Дорога сужается настолько, что охрана растянется в длинную колонну, теряя возможность быстро перегруппироваться.

— Годится, — кивнула Зарина, тут же переходя к распределению сил: — Основной удар — по голове и хвосту колонны одновременно, чтобы разорвать её на изолированные части. Мои бойцы возьмут на себя открытый бой — мы привыкли к подобному куда лучше, чем ваши люди с севера. Задача Дома теней — как только колонна раскроется, пробиться к самой повозке с пленницей и вывести её в безопасное место, пока основной бой отвлекает охрану.

— Я пойду с теми, кто прорывается к повозке, — тут же сказала Ясна.

— Ожидала этого, — не стала спорить Зарина. — Твоё Клеймо там будет полезнее, чем в общей свалке, — быстрый, точечный удар способен расчистить путь куда эффективнее долгого боя. Но ты пойдёшь не одна.

— Я тоже иду, — твёрдо сказал Сорен, и по его тону было ясно: спорить с этим решением бессмысленно.

Дрок, изучавший план с не меньшим вниманием, чем военные лидеры операции, неожиданно предложил собственное дополнение.

— Позвольте мне возглавить малую группу, отвлекающую внимание задолго до подхода к самому проходу, — сказал он. — Ложный след, имитация обычного разбойного нападения на другом участке дороги — достаточно, чтобы часть охраны отвлеклась туда прежде, чем основной удар обрушится там, где мы его на самом деле готовим.

Зарина смерила его оценивающим взглядом, явно не ожидавшая подобной тактической сметки от, как она успела заключить, «мягкой» общины севера.

— Неплохо придумано, — признала она. — Что ж, раз у Дома теней находятся не только осторожные советы, но и работающие уловки, у меня появляется чуть больше уверенности в успехе завтрашнего дня. Собираемся на рассвете. Времени на дальнейшие обсуждения у нас не осталось — конвой не станет ждать, пока мы окончательно во всём уверимся.

Глава 20. Штурм конвоя

Горный проход, выбранный для засады, встретил объединённый отряд Дома теней и Пепельного обоза предрассветным туманом, стелившимся низко над узкой дорогой, — идеальное укрытие для готовящегося удара, но и опасная помеха для точности, на которую рассчитывала вся операция.

Дрок со своей малой группой выступил заранее, чтобы устроить отвлекающую вылазку на дальнем участке дороги, — и когда со стороны дальнего изгиба тропы донеслись первые звуки имитируемого нападения, Ясна почувствовала, как всё её тело напрягается в ожидании сигнала к началу основного удара.

Сигнал — резкий, пронзительный свист Хвои — прозвучал спустя томительные минуты, и в тот же миг бойцы Зарины, укрывавшиеся по обе стороны прохода, обрушились на голову и хвост растянувшейся колонны одновременно, с той слаженной, отработанной жестокостью, что Ясна уже успела заметить в самой организации их лагеря.

— Вперёд, к повозке! — крикнул Сорен, и они втроём — он, Ясна и Хвоя — рванулись сквозь начавшийся хаос боя к центру колонны, туда, где, по всем расчётам, должна была находиться повозка с пленницей.

Охрана, застигнутая внезапностью удара с обеих сторон, дрогнула быстрее, чем рассчитывала сама Ясна, — но не настолько, чтобы путь к повозке оказался свободным: двое стражников, оправившись от первого замешательства, преградили дорогу с обнажёнными клинками.

Ясна не колебалась. Клеймо откликнулось на её волю мгновенно, без привычной уже, но всё ещё живой в памяти паники первых месяцев, — собранный, точный удар отбросил обоих стражников в сторону, достаточно сильно, чтобы вывести их из боя, не убивая на месте.

Повозка, к которой они наконец пробились сквозь редеющий строй охраны, оказалась заперта на тяжёлый, окованный железом засов, — но Хвоя, привычная к подобным препятствиям после многих месяцев вылазок за припасами и разведки, справилась с замком быстрее, чем Ясна успела бы применить Клеймо для той же цели.

Дверь распахнулась, обнажив внутреннее пространство повозки — тесное, скудно освещённое единственной щелью в потолке, — и на полу, свернувшись в тесный, неподвижный комок, Ясна увидела ту, ради кого весь этот рискованный поход и затевался.

— Ива, — прошептала она, чувствуя, как к горлу подкатывает ком при виде исхудавшей, измождённой фигуры, в которой едва угадывались прежние, безучастные, но хотя бы физически невредимые черты, какими она запомнила её в последнюю их встречу.

Снаружи бой продолжал бушевать, но всё явственнее клонился в пользу объединённого отряда, — Зарина, размахивавшая клинком в самой гуще схватки с той же холодной эффективностью, что и во всём остальном, уже отдавала приказы о завершающем натиске, добивающем последние разрозненные очаги сопротивления охраны.

Глава 21. Свобода Ивы

Ива не сопротивлялась, когда Сорен осторожно поднял её на руки, — не из доверия, а из полного, безучастного равнодушия к происходящему, будто собственная судьба давно перестала иметь для неё какое-либо значение, независимо от того, кто и куда её нёс.

— Она жива, — тихо сказал Сорен, проверяя её пульс, пока бой снаружи постепенно затихал под натиском объединённых сил. — Истощена, обезвожена, но жива. Нужно вынести её отсюда как можно быстрее, прежде чем подоспеет подкрепление с форпоста.

Отступление объединённого отряда, отягощённого ранеными с обеих сторон, заняло больше времени, чем сам штурм, — но к общему облегчению, подкрепление, которого все опасались, так и не появилось прежде, чем отряд успел скрыться в лесных тропах, недоступных для организованного преследования.

Только оказавшись в относительной безопасности временного лагеря, разбитого в стороне от главных дорог, Ясна наконец смогла как следует рассмотреть освобождённую пленницу при свете костра, — и увиденное заставило её сердце сжаться от боли за человека, которого она никогда не знала иначе, чем через чужие рассказы и краткие, издалека увиденные проблески истинных чувств под маской вынужденной покорности.

Ива выглядела старше своих лет настолько, что трудно было поверить, что перед Ясной — та же молодая, улыбающаяся девушка со старого рисунка, хранимого Вербой, — глубокие морщины, поседевшие раньше времени волосы, тело, истощённое годами лишений куда сильнее, чем можно было ожидать даже от самого сурового плена.

— Ива, — тихо позвала Ясна, присаживаясь рядом с ней у костра. — Ты в безопасности. Тебя больше не заставят искать других Меченых. Твой отец... — она замялась, не зная, стоит ли сразу говорить о судьбе Осокоря, но решила, что ложь, пусть даже из милосердия, будет худшим началом для их знакомства. — Твой отец погиб больше полугода назад, пытаясь освободить тебя. Он искал тебя все эти годы, Ива. Он никогда не переставал искать.

Ива долго молчала, глядя на пламя костра всё тем же безучастным взглядом, — но при упоминании отца что-то в её лице едва заметно дрогнуло, тень чего-то, отдалённо похожего на узнавание, промелькнула и тут же угасла, будто разум её ещё не в силах был удержать подобное знание дольше одного мимолётного мгновения.

— Не жди от неё многого сразу, — тихо предупредила Хвоя, заметив разочарование на лице Ясны. — Годы очищения не лечатся за одну ночь свободы. Ей нужно время, забота и терпение — куда больше того и другого, чем нам, вероятно, кажется достаточным сейчас.

Зарина, наблюдавшая за этой сценой чуть в стороне, впервые за всё их знакомство посмотрела на Ясну без прежней колючей настороженности.

— Вы сдержали слово, — сказала она просто. — Рисковали ради пленницы, которая вам не родня и не боец, ради простого, человеческого милосердия, а не только ради выгоды. Немногие союзники, обещавшие мне подобное прежде, готовы были доказать это делом столь же явно.

Глава 22. Первые слова

Дни, последовавшие за освобождением Ивы, отряд провёл в лагере Зарины, не решаясь пускаться в обратный путь на север, пока состояние освобождённой пленницы не стабилизируется настолько, чтобы выдержать долгую дорогу.

Ясна взяла на себя большую часть заботы о ней — не потому, что считала себя лучше приспособленной для этого, чем Хвоя или лекари лагеря Зарины, а потому, что чувствовала: связь между ними, пусть пока хрупкая и почти неощутимая, началась ещё в тот далёкий бой у ручья, когда её Клеймо впервые коснулось обрывка чужого, полустёртого чувства.

Прогресс, если его вообще можно было так назвать, давался мучительно медленно. Ива по-прежнему проводила большую часть времени в безучастном молчании, откликаясь на прямые обращения короткими, односложными звуками, если откликалась вовсе, — но на пятый день, когда Ясна, как и в предыдущие дни, тихо рассказывала ей о жизни Дома теней, не ожидая ответа, что-то наконец изменилось.

— Осокорь, — вдруг тихо произнесла Ива, впервые с момента освобождения проговорив что-то, кроме имени отца в ту первую ночь.

— Да, — осторожно подтвердила Ясна, стараясь не спугнуть этот хрупкий проблеск сознания резким движением или излишним волнением в голосе. — Осокорь — твой отец. Он назвал себя этим именем, когда пришёл в Дом теней, ища тебя.

— Он звал меня Ивой, — медленно, будто вспоминая давно забытый язык, продолжила пленница. — До того, как... до того, как всё стало серым.

— Ты помнишь то время? — тихо спросила Ясна, чувствуя, как сердце колотится от осторожной, едва допустимой надежды.

Ива долго молчала, и Ясна уже решила было, что момент прошёл, что разум её снова ускользнул в привычную, защитную пустоту, — но затем пленница вновь заговорила, тише прежнего, будто слова давались ей физическим усилием.

— Обрывками, — сказала она. — Как сквозь мутную воду. Дом теней. Побег. Боль. Потом только серое, долгое серое, и голоса, приказывающие, куда идти и кого искать. Я не могла... не могла отказаться. Даже когда что-то внутри кричало отказаться.

Хвоя, слышавшая этот разговор от входа в шатёр, где разместили Иву, тихо позвала Вербу через связного, отправленного на север с вестью об успехе операции, — новость о первых, пусть скудных словах освобождённой пленницы заслуживала того, чтобы дойти до всей общины как можно скорее.

— Это не исцеление, — предупредила Ясну одна из лекарок лагеря Зарины, наблюдавшая за состоянием Ивы наравне с местными травниками. — Это первая трещина в стене, которую годами выстраивал вокруг неё Орден. Трещины требуют времени, чтобы стать настоящим просветом. Не торопи её, дитя, и не позволяй себе разочароваться, если за первыми словами не сразу последуют новые.

Глава 23. Тайна документов

Пока Ясна проводила дни у постели медленно, но неуклонно возвращающейся к себе Ивы, Зарина и Верба, извещённая о произошедшем через быстрого гонца и прибывшая в лагерь спустя несколько дней сама, занялись разбором добычи, захваченной при штурме конвоя, — среди прочего имущества охраны обнаружился объёмистый кожаный футляр с бумагами, которые никто из захвативших их бойцов не рискнул уничтожить, не разобравшись прежде в их содержании.

— Печати внутреннего круга, — заметила Верба, осторожно раскладывая найденные документы на импровизированном столе. — Такие бумаги не доверяют рядовым конвоям без веской причины.

Большая часть документов оказалась сухими, малопонятными отчётами о перемещениях войск и снабжении — ценными сведениями для военной стратегии, но не более того. Однако среди них обнаружился один свиток, отличавшийся от прочих и содержанием, и очевидной секретностью формулировок, — свиток, при первом же беглом прочтении заставивший Вербу побледнеть куда сильнее, чем любая прежде увиденная ею бумага Ордена.

— «Обряд Вечного Пламени», — медленно прочитала она вслух заглавие, выведенное убористым, тщательно каллиграфическим почерком. — Не слышала прежде этого названия, но судя по печати и грифу секретности, речь о чём-то, известном лишь самому узкому кругу посвящённых внутри Ордена.

Зарина, заглянувшая через её плечо, нахмурилась, разглядывая непривычные, местами зашифрованные символы, испещрявшие большую часть текста.

— Часть записи зашифрована, — заметила она. — Не тем шифром, что используют обычные форпостные донесения. Придётся потратить время, чтобы разобрать, что здесь написано на самом деле, а не просто скользить взглядом по обрывкам понятных фраз.

— Дубец, — тут же сказала Верба. — Если кто и способен разобраться в подобном тексте, то это он — годы, потраченные на тайное изучение природы очищения ещё до его собственного изгнания из прежней жизни, дали ему знания, каких нет ни у кого из нас.

Гонца отправили на север в ту же ночь с срочным известием, прося Дубца прибыть в лагерь Зарины как можно скорее вместе со всеми своими записями и травами, какие могли понадобиться для расшифровки, — а сам свиток, слишком ценный и слишком опасный, чтобы рисковать им при обычной пересылке, Верба решила держать при себе безотлучно, пока не появится возможность разобрать его содержание полностью.

— Что бы ни было записано в этом свитке, — тихо сказала она Ясне тем же вечером, — судя по одной лишь секретности, с какой Орден его охранял, речь идёт не о рядовой части их планов. Готовься, дитя. Мне кажется, мы вот-вот узнаем куда больше правды, чем узнавали за все предыдущие месяцы вместе взятые.

Глава 24. Дубец расшифровывает

Дубец, прибывший в лагерь Зарины спустя четыре дня стремительной скачки, немедленно погрузился в работу над найденным свитком, почти не отрываясь на сон и еду, — многолетний опыт тайного изучения природы очищения, приобретённый им ещё во времена придворной службы, пригодился теперь так, как он, вероятно, никогда не мог себе представить.

— Шифр знакомый, — сказал он на второй день работы, не отрывая взгляда от разложенных перед ним записей. — Тот же принцип, что я встречал в старых, полулегальных манускриптах об истинной природе очищения, только применённый к куда более секретному материалу. Дайте мне ещё немного времени, и я смогу прочесть большую часть текста без остающихся пробелов.

Ясна, Верба, Сорен и Зарина собрались вокруг него на третий вечер, когда Дубец наконец отложил перо, выглядя одновременно измождённым многочасовой работой и глубоко потрясённым тем, что ему открылось в процессе расшифровки.

— Рассказывай, — тихо потребовала Верба, заметив выражение его лица. — Всё, что удалось разобрать.

— Ритуал очищения, о котором рассказывала нам Лоза ещё в самом начале, — начал Дубец, — оказывается лишь малой, упрощённой частью куда более обширной, куда более древней системы знаний, которую Орден веками хранил в глубочайшей тайне. Обычное очищение выкачивает из Меченого его силу постепенно, оставляя опустошённую оболочку, — именно это случилось с Ивой. Но существует и другой, куда более редкий и куда более разрушительный вариант обряда, применимый лишь к одному-единственному, крайне редкому типу Меченых.

— К изначальной крови, — тихо закончила за него Ясна, чувствуя, как внутри неё нарастает уже знакомое, холодное предчувствие.

— Именно так, — подтвердил Дубец. — «Обряд Вечного Пламени» — так называют в этих документах полное, необратимое использование силы Меченой, чья кровь восходит напрямую к тому, кто открыл разлом при Часе Затмения. Согласно записям, подобный обряд способен либо навсегда, окончательно запечатать сам Раздел, устранив самую причину существования Мороков и всех бед, что несёт с собой близость разлома, — либо, при ином направлении той же самой силы, послужить источником столь колоссальной мощи, что способен продлить жизнь не одному человеку, а сразу всему внутреннему кругу Ордена на многие десятилетия, а то и века вперёд.

— И Орден выбрал второй путь, — медленно произнесла Верба, хотя это прозвучало не вопросом, а горьким, предчувствуемым заранее выводом.

— Судя по этим документам — да, — тяжело подтвердил Дубец. — Записи прямо говорят о подготовке именно ко второму варианту обряда, а не к запечатыванию Раздела. Внутренний круг Ордена, судя по всему, давно решил, что собственное бессмертие важнее избавления королевства от самой причины трёхвековых бедствий.

Глава 25. Полная правда

Тишина, повисшая после слов Дубца, длилась достаточно долго, чтобы Ясна успела почувствовать, как холод, поселившийся у неё внутри при первом упоминании обряда, постепенно превращается в нечто куда более тяжёлое и осязаемое.

— Ты не сказал главного, — тихо произнесла она, глядя прямо на Дубца, вдруг остро осознав, что он до сих пор избегает той части рассказа, ради которой, по сути, и затевалась вся расшифровка. — Что именно происходит с Меченой, чья сила используется для этого обряда?

Дубец долго молчал, явно подбирая слова, способные хоть немного смягчить то, что не поддавалось смягчению по самой своей сути.

— Обряд, направленный на продление жизни внутреннего круга, — сказал он наконец, — требует полного, безостаточного извлечения силы Меченой изначальной крови. Не частичного истощения, как при обычном очищении. Полного. Документы называют это... — он замялся, прежде чем закончить, — ...«окончательным подношением». Меченая, послужившая источником для подобного обряда, не выживает его завершения.

Слова эти повисли в воздухе тяжелее любого удара, какой Ясне доводилось получать за весь минувший год испытаний, — не абстрактная угроза, не туманная опасность, а прямое, недвусмысленное подтверждение того, что Орден искал её все эти месяцы не для того, чтобы пленить, допросить или даже подвергнуть обычному, разрушительному, но переживаемому очищению. Они искали её, чтобы убить — методично, ритуально, ради выгоды горстки людей, которых она никогда не видела и никогда не встретит иначе, чем на плахе их собственного запретного обряда.

— Ясна, — тихо позвал Сорен, заметив, как побледнело её лицо, как задрожали руки, стиснутые на коленях так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Она не ответила сразу — не могла, слишком велика была тяжесть только что услышанного, чтобы облечь её в слова, — и лишь спустя долгую, мучительную паузу заговорила снова, голосом, лишённым привычной твёрдости.

— Значит, всё это время, — прошептала она, — каждая облава, каждый Инквизитор, сам Родерик с его военной кампанией — всё это ради того, чтобы в итоге привести меня на алтарь и выпить из меня жизнь досуха, как воду из колодца, который больше не нужен, стоит его вычерпать до дна.

— Мы не позволим этому случиться, — твёрдо сказала Верба, беря её за руку с той же уверенностью, с какой делала это с первого дня их знакомства в далёком лесу под Вербовкой. — Ты не колодец, дитя, и не жертвенный агнец для чужого, запретного благополучия. Мы знаем правду теперь — а знание правды даёт нам шанс её изменить, которого не было у всех тех, кто прежде становился жертвой этого обряда, так и не узнав его истинной цены.

Зарина, стоявшая чуть в стороне, впервые за всё их знакомство произнесла слова, лишённые всякой прежней настороженности или расчётливой сдержанности.

— Теперь это не просто ваша война, Верес, — сказала она тихо, но с той же непреклонной твёрдостью, с какой командовала своим лагерем. — Если Орден готов убить тебя ради собственного бессмертия, значит, он готов на что угодно ради тех же целей в будущем — с любым другим Меченым, которого однажды сочтёт достаточно ценным для повторения подобного обряда. Это война за всех нас, а не только за одну беглянку из Вербовки.

Глава 26. Сорен рядом

Ночь после раскрытия полной правды об обряде Ясна провела без сна, сидя в одиночестве у дальнего края лагеря, куда удалилась, не в силах вынести ни сочувственных взглядов, ни осторожных попыток утешения со стороны остальных, — тяжесть узнанного требовала прежде всего тишины, в которой можно было хотя бы попытаться осмыслить масштаб того, что теперь легло на её плечи.

Сорен нашёл её там ближе к рассвету — не заговорил сразу, просто сел рядом, позволяя тишине длиться столько, сколько ей было нужно, прежде чем она сама решит нарушить молчание.

— Я всё думаю, — сказала она наконец, не глядя на него, — что если бы я просто сдалась ещё в Вербовке, никто из тех, кого я успела полюбить за этот год, не пострадал бы ради спасения жизни, которая всё равно закончилась бы на алтаре этого обряда рано или поздно.

— Не смей, — резко, куда резче обычного, произнёс Сорен, поворачиваясь к ней всем телом. — Не смей даже в мыслях сводить всё к подобному выбору. Осокорь погиб не потому, что твоя жизнь того не стоила. Он погиб, пытаясь спасти собственную дочь, — выбор, который он сделал бы вне зависимости от того, существуешь ты вообще или нет. Рута погибнет — если погибнет, а я молюсь, чтобы этого не случилось, — защищая идею, в которую верит сама, а не только тебя лично. Ты не причина всех бед этого мира, Ясна. Ты единственная, у кого есть хоть какой-то шанс однажды положить им конец.

Ясна повернулась к нему, чувствуя, как к глазам подступают слёзы, которые она весь вечер отказывалась себе позволить.

— А что, если этого шанса недостаточно? — прошептала она. — Что, если единственный способ остановить обряд — это действительно принести себя в жертву, только на моих собственных условиях, а не на условиях Ордена?

— Тогда мы найдём другой способ, — твёрдо сказал Сорен, беря её лицо в ладони и заставляя посмотреть ему прямо в глаза. — Вместе. Не потому, что я отказываюсь принять любую возможную цену, а потому что отказываюсь поверить, будто единственный путь к спасению мира лежит через твою смерть, прежде чем мы даже попробовали найти другой. Дубец только начал разбирать эти документы, Ясна. Мы не знаем ещё и половины того, что там написано. Не позволяй одному страшному абзацу решить всю твою судьбу заранее.

Она долго молчала, вглядываясь в его лицо, освещённое первыми, робкими лучами восходящего солнца, — и постепенно тяжесть, давившая на грудь всю ночь, начала понемногу отступать, уступая место не облегчению, но хотя бы решимости не сдаваться раньше времени.

— Обещай мне одну вещь, — тихо сказала она.

— Какую угодно, — не колеблясь, ответил он.

— Обещай, что, если дело всё же дойдёт до выбора между моей жизнью и судьбой всех остальных, ты не станешь останавливать меня из одной лишь любви ко мне, если я решу, что цена того стоит.

Сорен долго молчал, и по его лицу было видно, чего стоило ему это молчание, — но когда он наконец заговорил, голос его был твёрд, хотя и полон боли.

— Я обещаю бороться до последнего вздоха за то, чтобы тебе никогда не пришлось делать этот выбор, — сказал он. — Большего обещать не могу, Ясна. Не проси меня обещать смириться с твоей смертью заранее, даже ради спасения всего мира. Это единственное обещание, которое я не готов дать, сколько бы ты ни просила.

Глава 27. Зарина принимает решение

Весть о полной правде обряда разошлась по лагерю Пепельного обоза быстрее, чем кто-либо успел бы её сдержать, — и реакция обитателей лагеря, ожидавшая Ясну на следующее утро, оказалась не тем, чего она опасалась.

Вместо страха или отторжения перед грузом столь страшного знания она встретила нечто, больше похожее на растущую, объединяющую решимость, — обитатели лагеря, привыкшие годами жить в ожидании худшего от Ордена, восприняли услышанное не как повод для отчаяния, а как окончательное подтверждение того, ради чего они и создали собственную, военизированную общину с самого начала.

Зарина нашла Ясну сама, в середине дня, с выражением лица, лишённым всякой прежней настороженности.

— Я собрала совет старейшин лагеря этой ночью, — сказала она без предисловий. — Рассказала им всё, что узнала о цели Ордена. Мы приняли решение.

— Какое? — спросила Ясна, затаив дыхание.

— Пепельный обоз присоединяется к вашей коалиции полностью, — твёрдо сказала Зарина. — Не как настороженный, проверяющий на прочность союзник, каким я была до сих пор, а как полноценная часть общего дела. То, что вы рассказали мне о судьбе, уготованной тебе Орденом, меняет всё. Это больше не вопрос выбора между осторожностью Дома теней и наступательным духом моего лагеря. Это вопрос выживания всех Меченых, если Орден готов пойти на подобное ради собственной выгоды один раз, — значит, готов повторить это снова и снова, найдись у него ещё хоть одна подходящая жертва в будущих поколениях.

Ясна почувствовала, как впервые за долгое время в груди у неё шевельнулось нечто похожее на настоящую, не наигранную надежду.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Не только за помощь. За то, что поверила, не только увидев дело своими глазами при штурме конвоя, но и услышав правду, которая касается куда большего, чем одна конкретная операция.

— Не благодари раньше времени, — с прежней прямотой ответила Зарина, хотя в голосе её впервые прозвучала настоящая теплота. — Впереди у нас куда более трудный путь, чем один удачный штурм конвоя. Родерик не остановится, узнав о растущем сопротивлении, — а когда он узнает о том, что и мой лагерь примкнул к вашей коалиции, ответный удар будет соразмерен масштабу угрозы, которую мы теперь для него представляем.

Она оказалась права быстрее, чем кто-либо из них мог предположить.

Глава 28. Сеть растёт

Весть об освобождении Ивы, о присоединении Пепельного обоза к коалиции и, что важнее всего, о раскрытой правде обряда разлетелась по немногочисленным, но всё же существующим каналам связи между разрозненными ячейками Меченых куда быстрее, чем кто-либо из отряда Ясны мог ожидать.

За следующие две недели, пока отряд наконец возвращался на север, сопровождая медленно, но неуклонно идущую на поправку Иву, к складывающейся коалиции одна за другой начали присоединяться и другие, прежде неизвестные общины, — не все сразу, не все безоговорочно, но достаточно, чтобы масштаб союза начал ощущаться уже не как хрупкое соглашение нескольких лидеров, а как нечто, действительно способное противостоять организованной мощи Ордена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.